

Тот памятный 42-й...

Виктор Александрович Петунин родился в 1923 году в поселке Турьинские Рудники. Он учился в 10-м классе школы № 1, когда в конце марта 1942 года ему была вручена повестка. Всего было вызвано четверо поселковых парней. Они так вместе и держались. Прошли медкомиссию в г. Серове и были сформированы в группу из 37 человек, которую вечером же отправили в Свердловск. Откуда их путь лежал в г. Соль-Илецк Чкаловской области (ныне Оренбургской). Там в учебке 61-го запасного стрелкового полка (ЗСП) они в течение двух месяцев постигали азы военной науки. При распределении молодого бойца направили во взвод минометчиков. Остальных кого куда – в пулеметчики, в ПТР, в пехоту.

Виктор Александрович вспоминает: «Где-то в конце мая ночью нас подняли по команде «подъем» и сразу «в баню, на выход». Эти команды мы слышали от старых выпускников и поняли, что это значит. На выходе из бани нам выдали маршевую форму. Полк построили и срочно – на железнодорожную станцию. Там уже состав поджидал. Только-только погрузились в теплушки – и вперед, на запад.

На станциях, когда останавливались, подходили женщины из местных, дети. Каждый понимал, куда мы едем и что нас ждет. Отдавали узелочки с ватрушками, пирогами, семечками. Говорили теплые ободряющие слова и плакали.

На станции Лиски Воронежской области наш эшелон попал под бомбежку. Вот здесь-то мы реально поняли, что такое война. На своей родной земле, не доехав до фронта, впервые увидели убитых и раненых. Железнодорожный путь, к счастью, не был поврежден.

Спустя время наш поезд остановился на одном из перегонов на опушке леса. Выгрузившись, пошли быстрым маршем. Вдруг откуда ни возьмись появились вражеские самолеты. Не заметить нас было трудно – все же полк пехоты. Мы все «вросли» в лес. Но бомбить начали где-то в стороне от нас, в заданной цели. Потом командир сказал нам, что бомбили Воронеж.

В лесу обнаружили землянки. Видимо, до нас здесь стояли части.

Заняли мы эти позиции, обустроились, а дня через 3-4 немцы нас обнаружили. Началась жуткая бомбежка, шквал минометного огня. Такая массированная артобработка, что не видно света белого: пыль, гарь, дым, взрывы.

Немцы прорывались через наш Воронежский фронт на Сталинград. Потери мы понесли тяжелые. Отступали, занимали новые позиции, окапывались, маскировались, снова отступали. Бои шли невероятно трудные.

Наш 31-й стрелковый полк был разбит и выведен на переформирование. В конце июля в составе 443-го стрелкового полка мы опять ушли на передовую».

Прошу ветерана войны рассказать эпизод, врезавшийся в память.

И он поведал о том, что пришлось испытать во время одного из рейдов.

«Во второй половине сентября 1942 года я был направлен от своего взвода в

группу боевого охранения нашего минбата. Всего в группе было 15 человек, плюс лейтенант-командир группы да связной. С наступлением темноты группа двинулась. Вскоре подошли к опушке леса, а вдоль дорога шириной 8-10 метров. Через дорогу поле подсолнухов. Тихо, подсолнухи стоят не колышась. Когда подтянулась вся группа, стало совсем темно. А ночи не такие, как у нас на Урале, ни зги не видать – чернота. Лейтенант нас четко проинструктировал: «Не стрелять, ни в коем случае себя не обнаруживать!». Мы разошлись по опушке метрах в 3-4 друг от друга и замерли. У офицера была уверенность, что в подсолнуховом поле может быть немецкая засада. Вскоре оттуда послышалась какая-то возня, непонятное бормотание.

Командир снова приказал: «Себя не обнаруживать, но все передавать по цепочке, любое проявление врага!». Через какое-то время напряженного ожидания в поле стали появляться силуэты людей. Они, согнувшись, делали небольшие перебежки и снова прятались. Слышна была тихая немецкая речь.

Что делать? Вступать в бой? Нас всего 15-16 человек. Сколько немцев – не знаем. А немцы все чаще стали пускать осветительные ракеты, стрелять из автоматов. Но все вслепую, наугад.

Лейтенант решил отходить к своим. Но когда мы вышли к своему батальону, он уже снялся с места. Вдруг услышали из окопов русскую речь, стоны. Это была другая группа, о которой мы ничего не знали. У них был один тяжелораненый, и его несли на плащ-палатке. Немцы при бесприцельном обстреле смогли ранить одного из группы. Объединившись с той группой, мы долго шли вдоль опушки. По небольшому ложку вышли к Дону и вскоре наткнулись на боевое охранение наших. Точный пароль наш лейтенант не знал, так как он менялся каждые сутки. Пока разбирались с нами, выяснилось, что наш минбат почти рядом, метрах в 150-200. Узнали, что нас потеряли и не надеялись увидеть живыми. Стрельбу немцев было и здесь слышно. Мало ли что...

В этот день я, увидев, как нам обрадовались искренне, почувствовал, что такое фронтовая дружба. И пронес это через многие годы жизни. А в той стороне, где мы стояли в охранении, началась массированная стрельба, рвались снаряды...

Эти события – история фронтового пути В.А. Петунина – вместили один только год войны – 1942-й. Ни слова бахвальства, ни героических речей, ни наград напоказ. Такой вот он, скромный труженик-воин. На мой вопрос «Что же было самое запоминающееся в военной судьбе?» – один ответ: «Бои, стоны, потери друзей. И еще была какая-то злость на фашистов, которые вломились в нашу мирную жизнь, принесли столько горя, слез. Один год – и на всю жизнь горькая память, горькие воспоминания».

В дни Победы и торжеств грудь солдата украшают ордена и медали. Все главные по-своему, но самая дорогая награда – орден Отечественной войны 1 степени. Вдобавок медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», медаль К. Жукова и множество юбилейных памятных – где-то более десяти – это воинский успех,

воинский труд всего за один 1942 год – горький, кровавый, памятный

Лилия ЕСАУЛКОВА.

Из книги

«Годы, опаленные войной».

Есаулкова, Л. Тот памятный 42-й... : [участник Великой Отечественной войны Виктор Александрович Петунин, г. Краснотурьинск : из книги «Годы, опаленные войной»] / Лилия Есаулкова // Заря Урала. – 2014. – 6 мая (№ 35). – С. 5.